
ПРАВОСЛАВНЫЙ РЕВЕЛЬ ПЕТРА I

ЕЛЕНА ПОГОСЯН
МАРИЯ СМОРЖЕВСКИХ-СМИРНОВА

Оформление: Каспар Эльвест
Корректор: Елена Елиферова

Фотография на обложке: иконостас Ивана Зарудного в
Преображенской церкви (фрагмент). Фото: А. Маасик.

© Е. Погосян, М. Смержевских-Смирнова, 2019

© Издательство Argo, 2019

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может
быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без
письменного разрешения владельцев авторских прав.

www.argokirjastus.ee

ISBN 978-9949-607-99-0

Отпечатано в типографии Print Best

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
----------------	---

ЧАСТЬ I

От Никольского иконостаса (1686 г.)
до иконы «Литургия Господня» (1711 г.)

Глава 1. Иконостас церкви Николая Чудотворца в Ревеле (1686 г.) ...	16
--	----

1.1. Церковь Николая Чудотворца «что за Свейским рубежем в Колывани»	16
1.2. Иконостас церкви Николая Чудотворца и его строители	30
1.3. Местный ряд иконостаса	37
1.4. Праздничный ряд иконостаса	47
1.5. Верхние ряды иконостаса	53

Глава 2. «Реляция» о взятии Ревеля и первое посещение города царем	62
---	----

2.1. Рассказы об осаде Ревеля в ходе Ливонской войны (1558–1583 гг.) ...	63
2.2. «Рижаном в подарки апелсины»: осада Риги Августом II в переписке Петра I и его окружения	66
2.3. Реляция о взятии Ревеля 1710 г. и ее метаморфозы в «Книге Марсовой» и «Гистории Свейской войны»	72
2.4. Чудесное спасение русских пленных и прибытие их в Ревель летом 1711 года	80
2.5. Петр I в Ревеле в декабре 1711 года	82

Глава 3. Ревель – Дева в «Синаксаре» архиепископа Черниговского Иоанна Максимовича (1710 г.)	88
---	----

3.1. Черниговский архиепископ Иоанн Максимович	88
3.2. Завоевание обетованной земли Прибалтики в «Синаксаре» Иоанна Максимовича	92
3.3. «Ревель Дева есть чиста»	98

Глава 4. «Яко аз на раны готов»: икона «Литургия Господня» из Никольского храма в Ревеле	106
4.1. Подпись иконописца и история создания иконы «Литургия Господня»	109
4.2. Трудный 1711 год в жизни Петра I	113
4.3. Икона «Литургия Господня» и алтарь Бернта Нотке из Духовой церкви Ревеля (1483 г.)	117
4.4. Сердце на иконе и культура барочной эмблемы	123
4.5. Гербовые иконы петровского времени	126
4.6. «Яко аз на раны готов»	133
Глава 5. «Как и словом обязался я»: царь Петр I, А.Д. Меншиков и Екатерина Алексеевна на иконе Таллиннского Никольского храма	142
5.1. «Сердце» А.Д. Меншикова на иконе «Литургия Господня»	142
5.2. Царская свадьба и брачные венцы на иконе	149

ЧАСТЬ II

Иконостас Ивана Зарудного в Преображенском соборе Ревеля (1719 г.)

Глава 1. Переосвященные шведские храмы и их иконостасы на землях Лифляндии и Эстляндии	166
1.1. Иконостас для Иоанновской кирхи в Дерпте	166
1.2. Иконостас Спасо-Преображенского собора в Нарве	169
Глава 2. История заказа и строительства иконостаса Преображенского собора в Ревеле	181
2.1. Михайловская церковь в Ревеле. История отъятия храма у лютеранской общины русскими властями в 1716 году	181
2.2. «Архитект» Иван Петрович Зарудный	187
2.3. «Таким маниром как зделан на Котлин остров»	192
2.4. История заказа и строительства иконостаса	195

Глава 3. Расположение икон в иконостасе Преображенского собора в Ревеле. Иконография	199
3.1. Расположение икон	199
3.2. Западноевропейские образцы икон Ревельского иконостаса ...	228
Глава 4. Рама иконостаса	233
4.1. Царские врата иконостаса: ветхозаветная скиния и храм Премудрости	233
4.2. «Вои небесные» на боковых вратах иконостаса	243
4.3. «Архитектурная» программа иконостаса	250
4.4. Надписи в иконостасе Зарудного	256
Глава 5. Царский иконостас	266
5.1. Российский герб в иконостасе	266
5.2. Кафедра проповедника	269
5.3. Святые покровители членов царской семьи в местном ряду иконостаса	275
5.4. Слово на Преображение Гавриила Бужинского (1719 г.) и иконы Преображения в Ревельском иконостасе	278
5.5. Св. Екатерина и Синайская тема в культуре петровского времени ...	286
5.6. Крошки Господней трапезы в проповеди Гавриила Бужинского 1718 года	291
Глава 6. И.П. Зарудный и споры об иконописи второй половины XVII – начала XVIII вв.	297
Заключение: “Terrae amor et decus”	314
Использованная литература	330
Именной указатель	342
Об авторах	351

ВВЕДЕНИЕ

Всякий завоеванный город – свидетельство того, как монарх-завоеватель строит свою идеологическую программу и свой образ победителя или освободителя. И чем значительней для него город, тем сложнее эта программа и этот образ.

Города, взятые Петром I в ходе Северной войны и уже после Полтавской битвы, имели для царя особое значение. Это был выход за пределы «отеческих» территорий. До этого момента царь «возвращал» старые русские города, некогда захваченные врагами: Нотебург – Орешек (сегодняшний Шлиссельбург), Нарву – Ругодив или Дерпт – Юрьев (сегодняшний Тарту). Обход крепости с крестным ходом по стене, восстановление храмов и «освобождение» спрятанных от врагов икон превращали занятые в ходе военных действий города снова в свои – русские и православные. Победы 1710 г., когда были взяты такие важные крепости, как Выборг, Рига и Ревель (сегодняшний Таллинн), имели совсем иной характер: Петр I воевал теперь не на своей земле, завоеваны были чужие города, и перед идеологами царя стояла задача построить новые сюжеты для описания этих городов и новые ритуалы для их освоения и присвоения. Важной частью этого процесса было создание *своего* православного пространства в *чужом* лютеранском городе. Старые русские купеческие церкви, если они стояли во вновь завоеванных городах, только на первых порах играли здесь заметную роль: они были незначительными и незаметными. Возникла потребность в создании новых храмов, достойных представлять победителя.

Петра I с ранних лет увлекали и привлекали европейские города. Для маленького царевича Петра по приказу его матери царицы Натальи Кирилловны были взяты из Посольского приказа «все исторические

книги с кунштами <...> многих знатных во вселенной городов». В Москве Петру были доступны и другие издания, в которых он мог найти описания и изображения европейских городов: «чертежи розных государств» (из библиотеки царя Федора Алексеевича), книги «чертежные палатам и источникам каменным», «описание ворот чести в Гаге учиненных ко приезду Вилгелму Аглинскому, Скотскому, Францускому», «Обозрение всего света» Дж. Ботеро, четырехтомный иллюстрированный атлас «Позорище всея вселенныя» В. Блеу и т.д. (Евсина: 11, 21–22).

Этот интерес вырос и укрепился во время Великого посольства – первого европейского путешествия царя (1697–1698). Петр проехал через десятки курляндских, немецких, голландских городов. М.М. Богословский так описал места, которые царь проезжал на обратном пути:

...посольство возвращалось прежней дорогой, через те же небольшие городки западной Германии, которые он уже видел, направляясь в Голландию... Впечатления о них успели уже, вероятно, сложиться в представлении Петра в более или менее общий тип небольшого города западной Германии, расположенного среди зеленеющего виноградниками ландшафта, с готическим или романским собором, ратушей и рыночной площадью в центре, с готическими фасадами и черепичными крышами домов, часто со средневековым замком с башней или с развалинами замка на возвышенности около города (Богословский: 438).

Историки Дмитрий и Ирина Гузевичи остроумно описали Великое посольство Петра I как одновременно военную операцию и торговую сделку:

Было бы легкомысленно рассматривать массив знания, разом перенесенного в Московию в результате Великого посольства, как исключительно прагматический. <...> Мы не утверждаем, что царь и та часть его окружения, которая руководила захватом и переносом знания в 1697–1698 гг., были в состоянии широко осваивать художественное знание, впрочем, как и научное. Однако в той «корзине», которая была перемещена в Россию, оказалось и оно тоже (Гузевич Д., Гузевич И.: 120).

Посольство «захватило» знания из самых разных областей. Реже историки говорят о «городской цивилизации» Северной Европы в целом, об устройстве городов, городского быта. Но царь хотел завести в своем царстве не только морское и военное дело, науки и искусства, он хотел завести европейские города. Так, например, в российских городах с 1699 г. по указу царя на манер европейских появились бурмистры и были устроены ратуши. Северная война неожиданно подала иные средства к заведению европейских городов: вместо того, чтобы «захватить и перенести знания» о них, можно было захватить города и таким образом непосредственно «перенести» их в Россию.

Во вновь захваченных городах появляются российские гарнизоны и российская администрация. И, разумеется, здесь появляются православные храмы. Эти храмы удовлетворяют не только религиозные потребности постоянно растущего православного населения. Для них пишутся иконы и строятся иконостасы, в которые включается российская государственная символика. Здесь проходят богослужения, и ежегодно 27 июня звучит «Служба благодарственная о великой победе под Полтавой», в которой лютеране-шведы предстают как враги святого креста, лжехристиане и «посмеятели» божественных икон. Здесь произносятся проповеди, восхваляющие победы российского монарха, здесь оглашаются царские указы. То есть эти храмы неизбежно выполняют и идеологическую функцию. Но с такой же неизбежностью сочинения проповедников впитывают и повторяют элементы местной городской мифологии, символики и геральдики, а иконостасы устраиваются с ориентацией и на местного наблюдателя. Православные храмы, таким образом, становятся центрами, вокруг которых и создаются сюжеты «освоения» города.

Предлагаемая читателю книга посвящена Ревелю в первые годы по взятии его в ходе Северной войны. Мы попытаемся в ней шаг за шагом проследить, как в 1710–1725 гг., то есть при жизни Петра I, создавалась православная составляющая сакрального и идеологического ландшафта Ревеля. Речь пойдет не столько о событийном плане, хотя к нему нам придется время от времени обращаться. В центре нашего внимания будет план семиотический, сюжеты и символы, вырастающие вокруг русских православных центров в чужом – европейском и лютеранском – Ревеле. В первую очередь, конечно же, нас будет интересовать позиция их создателей: иконописцев, составителей церковных служб, проповедников. В конечном итоге, речь пойдет о Ревеле, отраженном в зеркале официальной православной культуры петровского времени.

Чтобы не терять нить повествования, мы постараемся не уходить далеко от ревелских сюжетов, и потому не будем касаться более широкого контекста официальной культуры Петровской эпохи. Тем не менее, чтобы хоть немного расширить рамки повествования и связать его с тем, что происходило за стенами «славного города Ревеля», в книгу включены несколько небольших отступлений: о том, как были представлены в русской культуре первая свадьба Петра I и осада Риги, о гербе А.Д. Меншикова, о спорах в Сенате и Синоде «об исправлении иконного изображения» и пр.

Говоря о событиях конца XVII – начала XVIII вв., мы будем называть города и местности так, как они назывались в это время в окружении Петра I и как они были названы в источниках, к которым мы обращаемся. Соответственно, мы будем называть сегодняшний Таллинн Ревелем, а иногда Колыванью. Следуя этому же принципу, мы будем называть Петра I царем до момента принятия им титула императора в 1721 г. и императором, когда речь будет идти о событиях 1721–1725 гг. Говоря о России до 1721 г., мы будем употреблять термин «царство», а после 1721 г. – «империя».

Приводя цитаты из текстов церковных служб и проповедей, надписи на иконах и иконостасах, мы будем сохранять орфографию источника. В конце XVII – начале XVIII в. часто (и даже в одном документе) одно и то же слово могло писаться по-разному; при цитировании мы будем сохранять неустойчивые формы написания слов. Слова, написанные в оригинале «под титулом», как, например, «Брдца» (Богородица) или «цр» (царь), мы будем приводить полностью. При передаче текста мы будем следовать «Методическим рекомендациям по изданию Актов Российского государства» (Каштанов: 143–232).

Основу этой книги составили работы ее авторов Елены Погосян и Марии Сморжевских-Смирновой, опубликованные в разное время, исправленные и дополненные (Погосян 2004а, 2012, 2012а, Сморжевских-Смирнова 2013, 2013а; Погосян, Сморжевских-Смирнова 2009, 2011, 2012; Jelena Pogosjan, Maria Smorzhevskihh-Smirnova).

Первая часть книги построена вокруг произведений церковного искусства, ныне хранящихся в Таллиннской Никольской церкви. Авторы выражают благодарность настоятелю этой церкви протоиерею Олегу Вроне за разрешение на фотосъемку в храме, а также алтарнику Игорю Корнееву за помощь в работе с иконой «Литургия Господня» и в прочтении неразборчивых надписей. Авторы также благодарят реставраторов иконы

«Литургия Господня» Николая Ивановича Кормашова и Ореста Кормашова за предоставленные фотоматериалы. Вторая часть книги посвящена преимущественно иконостасу, хранящемуся в Таллиннской Преображенской церкви. За разрешение на фотосъемку в этом храме авторы выражают признательность настоятелю этой церкви отцу Александру Сарапику. Мы также благодарим реставрационную мастерскую «Канут» за предоставление фотоматериалов, относящихся к иконостасу Преображенской церкви. За помощь в подготовке книги к печати мы выражаем благодарность Марии Кутузов и Эдуарду Смирнову.

ЧАСТЬ I

ОТ НИКОЛЬСКОГО ИКОНОСТАСА (1686 г.)
ДО ИКОНЫ «ЛИТУРГИЯ ГОСПОДНЯ» (1711 г.)

ГЛАВА 1.

ИКОНОСТАС ЦЕРКВИ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА В РЕВЕЛЕ (1686 г.)

Первый год после капитуляции Ревель имел принципиальное значение для формирования облика этого города в русской официальной культуре, в том числе и в православной. Кульминацией стало первое посещение города монархом в декабре 1711 г. Поэтому нашей первой остановкой, точкой, из которой мы попробуем увидеть «православный Ревель», и будет декабрь 1711 г. К этому моменту кроме краткой реляции о взятии города, напечатанной через месяц после капитуляции, о Ревеле идет речь только в одном сочинении – «Синаксаре» Черниговского архиепископа Иоанна Максимовича, изданном в декабре 1710 г. Центром «православного Ревеля» в этот первый год был старый купеческий храм св. Николая с иконостасом 1686 г., слегка поновленным к приезду монарха, и новой иконой «Литургия Господня», написанной к декабрю 1711 г. На этих произведениях мы и остановимся в первой части книги: начнем разговор с иконостаса 1686 г., потом обратимся к реляции о взятии города, «Синаксарю» и иконе «Литургия Господня».

1.1. ЦЕРКОВЬ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА «ЧТО ЗА СВЕЙСКИМ РУБЕЖЕМ В КОЛЫВАНИ»

Никольская церковь, расположенная сегодня в Таллинне на улице Вене (Русской), была выстроена в начале XIX в. (илл. 1). До нее на этом же месте

Илл. 1. Никольская церковь в Таллинне. Фотография Е. Погосян.

уже в XV в. находилась старая купеческая¹ церковь. Сведения о ней, рассыпанные в летописных и дипломатических источниках, были впервые собраны М.Т. Иконниковым, который в 1889 г. издал небольшую книжку «Православная церковь Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского в г. Ревеле». В 1894 г. Александр Барсуков опубликовал подборку документов Ревельского городского архива, среди которых есть ряд упоминаний Никольской церкви. Приведем несколько известий, которые непосредственно касаются самой церкви, ее причта и прихожан.

В 1491 г. Ревельский магистрат в письме к ливонскому магистру на запрос о положении русской церкви в городе сообщал:

На это поставляем Вашу милость в известность, что мы, не говоря об общем мирном договоре со страной, имеем с Новгородом и русскими землями особый мир, в котором условлено, чтобы все пункты и статьи держать по старине <...> Их церковь называется Николаевскою церковью, и при ней под одною крышею стоит дом, в котором они хранят свои товары и производят собрание (собственно попойки). Так было изначала, так оно существует и теперь. Печки же, которую они требуют иметь там, не было в старину, почему ее и нельзя поместить. Надеемся, что по этим причинам не произойдет войны (Иконников: 8–9).

Другой интересный документ относится к периоду обострения отношений между Ревелем и Новгородом около 1493 г. В Ревеле за «гнусное преступление» был публично сожжен какой-то русский – имени его мы не знаем. Более того, горожане утверждали: «Мы сожгли бы и вашего Великого Князя, если бы он сделал у нас то же самое!» Слухи об этом дошли до великого князя, и в отместку за такую дерзость все немецкие купцы в Новгороде были посажены в темницу, а товары их конфискованы. Ревель ответил тем же (Иконников: 16–17). В челобитной, обращенной к городскому магистрату, священник Никольской церкви писал из заключения:

1 Краткий обзор литературы, посвященной феномену «купеческой церкви» (Ecclesiae Mercatorum) дает Анти Селарт в своей работе «Православные церкви в средневековой Ливонии» (Selart: 275–276). Особенностью таких церквей является то, что они принадлежат купеческой общине и используются не только для богослужений, здесь также хранятся товары, ведутся торговые переговоры и заключаются сделки.

Осподе нашем посадникам и ратманам Колыванским. Священник да и купчины великаго князя вам <...> челом бьем со слезами. Сидим господине у Бога да и у вас уж будет в понедельник двенадцать недель, а не слышали есмя, господине, никакого слова себе, ни грамоты <...> Пожалуйте, господине посадники и ратманы, смилуйтесь, велите дать нас на поруку, чтобы мы, господине, у вас ходили добровольно, доколе вам, господине, будет мир (Иконников: 17).

Последние слова – «доколе вам, господине, будет мир» – очень точно характеризуют положение русских купцов в Колывани – Ревеле, впрочем, как и немецких в Новгороде. Соответственно, и в истории Никольской церкви были периоды, когда ее закрывали, имущество отбирали, причт вместе с купцами заключали в тюрьму; но потом приходили времена, когда дипломатические неурядицы отступали, торговля шла хорошо, и церковь чинили, перестраивали, украшали.

Из документов Ревельского архива (челобитных, контрактов, писем русских купцов из Ревеля домой), опубликованных Барсуковым, мы знаем, что торговля была опасным ремеслом: суда гибли не только от непогоды, бывало и так, что на суда в море нападали, отбирали товар, купцов убивали. Так, например, около 1525 г. Иван Шуйга Игнатъев жалуется:

<...> был на Колывани с товаром, да и торговал, и послал лодью свою к Ивангороду с товаром; и за четыре мили от Колывани, на Немецком берегу, и пришли <...> на лодью многие люди Немцы и Чюхны земские и учили <...> грабити <...> а грабежу взяли из лодье: пол-3 ласту меду, да 2 бочки пресного пруского, да 4 ласту без меха соли, да 4 бочки болших бастру (сахара. – *Е. П., М. С.-С.*), да из четырех бочек выпили красного вина <...> коробью с платьем, а в коробье икона на золоте, да шуба белья (Барсуков: 35–36).

Иногда в документах попадаются и сведения, имеющие отношение к причту Никольской церкви. Так, сохранилась челобитная священника Никольской церкви в Ревеле, также относящаяся к 1525 г.: «бил челом государю богомолец его поп Онтоней, что служил чудотворцу Николи на Колывани». Жалобщик по пути из Колывани в Ивангород лишился «коробья» со всеми своими пожитками и хлопотал об их возвращении (Барсуков: 31).

В период Ливонской войны Никольская церковь, конечно же, оставалась закрытой. Только после мирного договора 1595 г. в церкви было разрешено возобновить службы. Русские купцы приезжали в город по торговым делам и потом возвращались домой. Уезжая же, они оставляли храм под присмотром городского Магистрата, составляя при этом описи церковного имущества. К сожалению, сведения об иконах, находившихся в церкви, сохранились только в одной описи. Она была составлена в мае 1619 г. и гласила:

Роспись на Чудотворца Николая, <...> образ Пречистой Богородицы обложен серебром, да образ местного Чудотворца Николая, да Предтечи Ивана, да Климента папы Римск. <...> да прикладу у вобразов четыре кресты, да двои серьги, да два золотых, свеча большая местная, шандаль серебр. позолочен. Царского даяния, да шесть свечей местных больших да двенадцать свеч ветвяных больших, <...> да паникадило большое свечами, да два паникадила меньших, да два блюда оловянных, да рукомой, да три котла, да стопа оловянная, да три Евангелия на престольных, да книги церковныя все, да двои риз и стихари, да потрахел, да три кадила медных, да крест воздвизальный обложен серебром. Сию роспись писал Иван Харламов своею рукою (Иконников: 59).

Названные здесь иконы не сохранились. А вот позолоченный «шандаль <...> Царского даяния», упомянутый в описи, и сейчас находится в Никольской церкви. Это был «дар Бориса Годунова – большой серебряный подсвечник, полученный в 1599 году. Со временем часть царского подарка была утрачена, а до наших дней сохранилась, переделанная в лампаду, основная часть с дарственной надписью» (Кормашовы, Пантелеев: 16).

В описи названы четыре иконы: «образ Пречистой Богородицы обложен серебром, да образ местного² Чудотворца Николая, да Предтечи Ивана, да Климента папы Римского». Эти четыре иконы сами по себе не могли составить полного иконостаса: здесь нет даже иконы Спасителя. Откуда же тогда брались остальные иконы для иконостаса? Выскажем осторожное предположение. Русские купцы, приезжавшие в Ревель, привозили иконы с собой (мы видели, например, что Иван Шуйга Игнатьев брал с собой в Ревель «икону на золоте»): иконы хранили купцов в дороге и помогали им в торговых делах. Приехав, купцы помещали свои иконы в церковь.

2 «Местного», то есть предназначенного для нижнего, «местного» ряда иконостаса.